

Французские переводы Пушкина: новая библиография

Богинская Анастасия Петровна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Систематизация всех существующих на сегодняшний день переводов произведений А.С. Пушкина на французский язык – назревшая необходимость, представляющая, однако, ряд трудностей, одной из которых является многообразие и богатство материала, касающегося данной проблематики. Пушкина во Франции переводили много, его произведения выходили отдельными изданиями, в различных сборниках, в периодике, в собраниях сочинений французских авторов (например, «Пиковая дама» была опубликована в сборнике произведений Проспера Мериме под его именем, но с подзаголовком *traduit de Pouchkine*), в составе научных работ (в статьях на французском языке, посвященных творчеству Пушкина, нередко встречаются оригинальные переводы отрывков его произведений) и т.д. Многие переводы публиковались несколько раз, некоторые – лишь однажды. Ряд работ переводчиков, изданных в XIX веке, были утеряны; упоминания о них сохранились только в библиографических справках. Возникающие при систематизации трудности также связаны с существенными различиями в качестве и характере переводных текстов: наряду с достаточно точными переложениями пушкинских произведений на французский язык существуют прозаические переводы стихотворных произведений (к примеру, «Евгений Онегин» в переводе Тургенева и Виардо), переводы, не всегда верно отражающие смысл оригинала (например, по свидетельству А. Менье, в работах графа де Порри встречаются добавления, сочиненные самим переводчиком). Издано также немало переводов отдельных отрывков, некоторые из которых широко известны (например, перевод нескольких строф из «Евгения Онегина» Луи Арагона). При составлении библиографий подобное многообразие и разнородность материала приводят к необходимости обращения к более ранним библиографиям, что, в свою очередь, влечет за собой новые трудности, поскольку в уже существующих библиографиях присутствуют ошибки и неточности, которые, таким образом, либо переходят в новые, более поздние библиографии, либо требуют дополнительных кропотливых проверок. Еще одна проблема – постоянное обновление материала: уже существующие библиографии быстро устаревают и требуют доработки.

По этим и другим причинам в настоящее время не существует достаточно полной отдельно изданной библиографии французских переводов произведений Пушкина.

В числе наиболее полных библиографий французских переводов Пушкина следует упомянуть книгу В. Шульца «А. С. Пушкин в переводе французских писателей» 1880 г. Составитель стремился собрать исчерпывающий материал, указывая все, даже неполные переводы произведений Пушкина на французский язык, опубликованные как отдельно, так и в периодических изданиях с 1819 по 1880 г.

Библиография профессора Сорбонны Эмиля Оман, вышедшая в 1911 г. в приложении к его специальной монографии о Пушкине, во многом повторяет работу Шульца и дополняет ее сведениями до 1904г. В данной библиографии имеются пропуски и отсутствуют указания на переиздания. Тем не менее, на момент своего выхода данная библиография была самой полной из всех, опубликованных во Франции.

Следующая по времени библиография, несомненно заслуживающая внимания, вышла в 1935г. Составитель В. Бучик посвятил свою работу переводам художественных произведений русской литературы на французский язык. Раздел о Пушкине отличается полнотой охвата и стройностью расположения материала. Бучик указывает также на переиздания переводов. Существенным недостатком работы является тот факт, что составитель не учитывал переводы, помещенные в периодических изданиях.

Среди более современных библиографий выделяется указатель, составленный французским пушкинистом А. Менье, вышедший в приложении к первому тому

собрания сочинений Пушкина в 1953г. Среди источников составитель указывает библиографии В. Бучика и Э. Оман. Указатель А. Менье посвящен только переводам прозаических произведений Пушкина, он содержит 273 записи и охватывает переводы, изданные как отдельно, так и в периодике.

В 1981 г. в приложении к третьему тому собрания сочинений Пушкина вышла библиография И. Менье, посвященная переводам только поэтических произведений Пушкина и систематизированная по именам переводчиков.

Таким образом, в настоящее время назрела необходимость создания отдельной специальной библиографии, посвященной французским переводам произведений Пушкина и учитывающей как старые, так и новейшие переводы (например, последний известный нам перевод «Евгения Онегина» датирован 2010 годом). Ведется работа по созданию подобной библиографии. Принимая во внимание упомянутые сложности и опыт библиографов, трудившихся ранее в этом направлении, мы считаем необходимым усовершенствовать принципы систематизации материала, группируя переводы не только по отдельным произведениям, но и с учетом имен переводчиков (при этом сохраняется принятое в ряде библиографий деление на жанры). Представляется также целесообразным строить библиографию на основе русских названий произведений, поскольку одно и то же заглавие может быть по-разному переведено на французский язык (например, «Русалка» - «La Roussalka» и «La Naïade»). К библиографии прилагаются краткие персоналии переводчиков. К переводам «Пиковой дамы» (10 известных нам переводов), некоторым переводам «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» написаны краткие аннотации, характеризующие их лингвостилистические особенности. Наличие таких аннотаций позволяет читателю лучше ориентироваться во всем многообразии переводных текстов.

Работа проводится при поддержке гранта РГНФ № 10-04-00136а «Произведения А.С. Пушкина во французских переводах: лингвостилистическое исследование».

Представление реформы лицея во Франции на высшем государственном уровне

Корнева Марина Витальевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

В современной общественной жизни риторика выступает как важнейший инструмент политиков в борьбе за власть. Так, на парламентских дебатах риторические приемы служат отстаиванию позиций партии оратора. Однако при оглашении важных государственных решений усилия оратора в меньшей степени адресованы политическим противникам, но в первую очередь направлены на убеждение граждан в правильности принимаемых правительством мер. К таким выступлениям относятся выступления первых лиц государства о готовящихся реформах.

Данное сообщение посвящено теме публичного представления государственных реформ на примере реформы лицея во Франции, введенной с начала учебного 2010 года.

Материалом исследования послужили тексты выступлений президента Франции Николя Саркози (октябрь 2009), министра образования Франции с июня 2009 г. Люка Шателя (декабрь 2009, ноябрь 2010) и его предшественника Ксавье Дарко (июнь 2008).

Метод исследования - лексико-стилистический анализ.

Само содержание реформы с перечнем конкретных изменений в системе образования примерно одинаково в изложении этих трех ораторов. Общие черты таковы:

- во всех исследуемых текстах реформа лицейского образования во Франции метафорически представлена как некое препятствие (*le lycée doit affronter de nouveaux défis*) или как важная партия игры (*la partie qui se joue, enjeu économique crucial, ce qui se joue au lycée*); она позволит создать лицей, соответствующий требованиям XXI в. (*adapté aux nouveaux métiers, mieux adapter le lycée à son époque*).

- все три оратора делают акцент на своем личном участии в судьбе лица: *me tient particulièrement à cœur* (Chatel), *mon objectif est de mettre en place la nouvelle classe de seconde* (Darcos); *je veux qu'elle [orientation] soit mieux préparée* (Chatel); *je l'ai assumé, mais j'y tiens* (Sarkozy). Кроме того, все тексты чрезвычайно насыщены личными местоимениями 1 лица ед.ч. Мы считаем, что для понимания этой стилистической тенденции следует разделить все употребления местоимения *je* на две группы: 1) *je* + глагол говорения (*j'affirme, je vous le dis*) или глагол мыслительной деятельности (*je pense, je crois*), 2) *je* + все остальные глаголы. В первом случае, как представляется, речь идет о разговорных тенденциях, привнесенных в политический дискурс с целью облегчить его восприятие или создать ощущение прямого контакта оратора с каждым слушателем; эта тенденция наметилась со времен президентства Ф. Миттерана. Во втором же случае, мы считаем, правомерно говорить об иллюзии осознания говорящим особой ответственности перед аудиторией как о желаемом эффекте.

Все исследуемые тексты объединяет призыв к преподавателям о совместной работе по эффективному внедрению реформы (*dans la solidarité et l'échange; dessiner ensemble un projet ambitieux*).

Примечательные отличия между выступлениями политиков раскрываются при анализе их эмоционального содержания. По нарастанию драматизма исследуемых текстов можно расположить имена ораторов следующим образом: Darcos, Chatel, Sarkozy. Мы считаем, что различия в степени эмоциональной составляющей в значительной мере связаны с типом аудитории (выступление перед коллегами или же перед представителями общественности), с этапом разработки реформы (первичное заявление целей, выступление о промежуточном проекте или обнародование зрелого, окончательного плана нововведений).

Вместе с тем, характерные риторические приемы отдельных ораторов также влияют на пафос речи. В частности, у Люка Шателя таким приемом выступают серии предложений, начинающихся с союзов причины или цели и интонационно оформленные как самостоятельные предложения: «*Parce que les situations sont différentes, parce que les élèves sont différents, parce que le niveau des classes n'est pas le même, parce que les lycées ne sont pas les mêmes <...>*», - или: «*Pour que chaque élève de France dispose à tout moment, en quelque endroit que ce soit, de toutes les ressources nécessaires à la préparation de son parcours de réussite. Pour que soit garantie l'égalité des chances sur laquelle sont fondées notre École et notre République. Pour que nous construisions ainsi ensemble, sur une base solide et innovante, dans la solidarité et l'échange, la France de demain*». Подобные серии семантически однотипных предложений придают речи динамику и лишают слушателя возможности обдумать эти насаждаемые один за другим аргументы.

Одной из характерных особенностей выступлений Николя Саркози является риторический вопрос, придающий речи драматизм: «*<...> quel meilleur critère que celui du savoir et de la compétence pour désigner ceux qui doivent exercer des responsabilités?*»; «*Qu'est-ce qu'on a fait ? Où en est-on et comment doit-on faire évoluer notre système?*».

Речь президента Франции наиболее насыщена в эмоциональном плане, в его выступлении читается вызов всем недовольным реформой и подспудное обвинение их в снобизме и в безответственности: «*<...> les voies technologiques et professionnelles sont tenues dans un mépris qui est insupportable, qui est intolérable, intolérable socialement et insupportable*»; «*Ce qui se passe dans le lycée professionnel, aucun intérêt. Scandale*». В заключительной части своего выступления Николя Саркози словно бы предупреждает, что намерен довести реформу до конца: «*j'espère que vous avez compris au moins une chose, c'est que cette plongée dans votre univers m'a passionné*».

Данное исследование демонстрирует, каким образом реализация единой риторической линии, намеченной правительством, в отношении выступлений о реформе лица зависит от момента произнесения речи, общественной реакции на предлагаемые нововведения и от личных стилистических особенностей раторов.

Дивергентные процессы в квебекском национальном варианте французского языка

Красавина Наталья Алексеевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Концепция национального варианта была разработана в 80-х годах. Это понятие стали применять для описания так называемых полинациональных или национально негомогенных языков, то есть тех, которые используются в нескольких странах, несколькими самостоятельными национальными общностями [Домашнев 1985: 70-79] и, следовательно, имеют возможность самостоятельно и независимо развиваться. В условиях раздельного применения единого языка в своем собственном территориальном, историческом и социальном пространстве в нем развиваются в каждом отдельном случае свои характерные черты, в соответствии с которыми язык данной общности дифференцируется от данного языка другой национальной общности [Домашнев 1990: 8].

Процесс дифференциации национальных вариантов сопровождается различными дивергентными процессами, происходящими на разных уровнях языковой системы: прежде всего, на более подвижных – фонетическом и лексическом, в меньшей степени – на уровне грамматики. Например, в Канаде сохраняется архаичное произношение буквенного сочетания *oi* – [wE] или [wé], во Франции же оно начинает произноситься как [wa].

На уровне лексики среди основных дивергентных процессов можно перечислить следующие:

- различные заимствования, в частности, из английского языка (во Франции используются такие англицизмы, как *ferry-boat* (паром), *stick* (дезодорант), тогда как в Квебеке скорее употребят их французские аналоги *traversier* и *désodorisant*; в то же время вместо французских *plaisanterie* (шутка) и *petit-copain* (парень) в квебекском варианте используются англицизмы *joke* и *chum*);

- появление новых слов (во Франции появляются глаголы *enquiquiner* и *emmerder* (надоедать, доставать), в Канаде им соответствуют *achaler* и *bâdrer*);

- изменение семантики некоторых лексических единиц (например, во Франции с появлением прилагательного *marron* сужается семантика прилагательного *brun*, в квебекском же варианте она остается более широкой).

На уровне грамматики расхождения менее многочисленны, но также имеют место: например, различие некоторых слов по роду (во Франции существительные *toast* и *job* мужского рода, а в Квебеке – женского) или образование форм женского рода наименований профессий в квебекском идиоме (*professeure*, *directeure*).

Дивергенция родственных языков или диалектов одного языка может происходить под влиянием определенных внешних условий. В случае квебекского идиома дивергентные процессы начались в силу его географического обособления. Территориальная удаленность от Франции и, как следствие, практически полное отсутствие контактов с «континентальными» французами (особенно в период английского господства (1760-1850)) привело, к постепенному формированию особого варианта французского языка, который начинает развиваться независимо от варианта-первоисточника. Причин тому несколько:

1. Различное языковое окружение (адстрат).

Вследствие непрерывных контактов франкоязычного населения Канады с английскими колонистами квебекский идиом испытал сильнейшее влияние английского языка и, являясь миноритарным языком в стране, продолжает испытывать его до сих пор. Влияние же английского языка на французский язык Франции началось гораздо позже и никогда не имело столь интенсивного характера: оно затрагивает лишь определенную лексику (публицистический, разговорный стиль, отчасти техническая

терминология), тогда как в Квебеке заимствования английских слов происходит во всех сферах языкового общения, в том числе, например, в бытовой: закрепляются такие слова, как *fixture (accessoire)* (принадлежность), *barley (orge)* (ячмень), *teaboard (plateau)* (поднос). Кроме того, в Квебеке влияние английского распространяется, хоть и в меньшей степени, на уровни фонетики и грамматики, чего не происходит во Франции.

2. Различный статус языков как средства общения на территории государства.

В Канаде на протяжении века господствующим языком был английский: он был языком образования, торговли, работы, законодательства. Французский долгое время обслуживал только сферу повседневного общения сельского населения. Следовательно, вся юридическая и политическая терминология изначально возникает на английском языке: *warrant (mandat)* (ордер, полномочие), *bill (projet de loi)* (законопроект), *membre (député)* (от английского *member*). Разработка французской терминологии в Квебеке начинается только в XX веке, а многие англицизмы сохраняются в квебекском варианте до сих пор.

3. Нормализаторская деятельность государственных институтов на территории языка-первоисточника, т.е. на территории Франции.

Огромное влияние на развитие французского языка во Франции оказала государственная языковая политика, которая становится особенно активной после 1789 года. Стремясь унифицировать французский язык по образцу парижской нормы, революционеры ставят себе целью избавиться от местных говоров. Квебекский же идиом, изначально сложившийся на базе различных диалектов первых колонистов, до сих пор сохраняет некоторые региональные черты. Например, продуктивность в канадском французском суффикса *-eux* рассматривается как влияние нормандского диалекта (*siffleux* (сурок), *robineux* (пьянчуга), *ostineux* (спорщик)).

Таким образом, дивергентные процессы в квебекском варианте французского языка связаны с особым территориальным, контактным и социальным положением квебекского варианта по отношению к языку-первоисточнику. В настоящее время положение несколько изменилось, но это должно стать предметом отдельного исследования.

Литература

Домашнев А.И. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка. // Лингвистические исследования. 1985. Структура языка и языковые изменения. М., 1985. С. 70-79.

Домашнев А.И. Концепция национального варианта языка в трудах академика Г.В.Степанова. // Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. М.: Наука, 1990. С. 4-17.

«Ложные друзья переводчика» в лексикологии и лексикографии

Курбанова Камилла Искандеровна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Явление «ложных друзей переводчика» является частью лексической интерференции, т.е. регулярного смешения или сближения сходных слов. Лексическая интерференция выявляется как внутри одного языка (паронимия), так и при контакте двух языков («ложный друг переводчика»). Явление «ложного друга» заключается в том, что похожие по форме слова двух (возможно, нескольких) контактных языков ошибочно воспринимаются носителями как семантически тождественные и употребляются в качестве эквивалентов при переводе (рус. *азарт*. // франц. *hasard* «случай», рус. *батон* // англ. *baton* «жезл, дирижерская палочка», англ. *bigot* «фанатик» // франц. *bigot* «святоша»).

Поскольку явление «ложных друзей переводчика» сложное и неоднородное, существуют различные классификации этих интерференционных слов в трудах

зарубежных (Ф. Алин, А. Петтон, М. Баллар, К. Ривьер, А. Яла) и отечественных (В.В. Акуленко, В.Л. Муравьев, К. Г. М. Готлиб) исследователей. Особый интерес представляет типология И.Н. Кузнецовой, которая распределяет «ложные друзья переводчика», или диапаронимы по трем классам, отличающимся большим или меньшим семантическим сходством: 1) **синонимические диапаронимы** (сходные слова двух языков, обладающие хотя бы одним общим словарным значением); 2) **контактные диапаронимы** (слова, не имеющие общих словарных значений, но принадлежащие к одному семантическому полю); 3) **дистантные диапаронимы** (слова, не имеющие ничего общего в своих словарных значениях, обладающие исключительно формальным сходством). Разные классы диапаронимов также по-разному манифестируют динамику интерференции: интроверсивной (с чужого языка на родной) или экстраверсивной (с родного языка на чужой) [Кузнецова: 23-24].

Среди множества словарей «ложных друзей переводчика» (в нашем исследовательском материале, охватывающем английский, французский и русский языки, представлены двенадцать работ) нам удалось выявить два лексикографических подхода к описанию этого явления и, соответственно, два типа словарей: активные и пассивные, отличающиеся способом подбора словника. Активные словари построены в соответствии с функциональным принципом, т.е. в них включены реально зафиксированные ошибки: например, в словаре В.Л. Муравьева находим реальные ошибки при контакте французского и русского языка: рус. *алименты* // франц. *aliments* «продукты питания», рус. *бенефис* // франц. *bénéfice* «прибыль» и др.

Большинство же словарей «ложных друзей» построено по принципу пассивного или потенциального словаря, в который включаются слова-корреляты, отбираемые по формальному сходству. Это дает возможность составить исчерпывающий гипотетический список коррелятивных слов двух языков. Интересно, что при сравнении словарей В.В. Акуленко и Ж. Ван Роя выяснилось, что значительная часть англо-русского и англо-французского словника совпадает (примерно 22%), что говорит о потенциальном характере материала обоих словарей. Отметим также другие словари этого типа: немецко-русский словарь К. Г. М. Готлиба, французско-английские словари А. Петтона, Ф. Алина, И. Аяш, А.М. Пато и др.

Важной особенностью пассивных словарей является включение в них дистантных диапаронимов, редко смешиваемых в речи. Например, в работе Ж. Ван Роя, С. Гренжер, Х. Свалу [Van Roey, Granger, Swallow: 16] на основе сопоставления французского и английского языка находим в качестве «ложных друзей» франц. *adresse*¹ // англ. *address*, совпадающих в значении «обозначение местожительства», но расходящихся в значении «официальная речь», свойственном только английскому слову. При этом автор словаря указывает в качестве возможной интерференционной ошибки смешение указанного английского слова и французского коррелята *adresse*² со значением «ловкость, умение», являющегося омонимом французского *adresse*¹. На наш взгляд, англ. *address* и франц. *adresse*² не имеют никаких общих значений, и, соответственно, являются дистантными диапаронимами, значения которых настолько различны, что их смешение возможно только при экстраверсивной интерференции, т.е. при переводе на чужой язык, что никак не отмечено в анализируемом словаре.

До сих пор явление «ложных друзей переводчика», или диапаронимии изучалось только при контакте двух языков: английский и французский, английский и русский, немецкий и русский и т.д. Мы предпринимаем попытку исследования «ложных друзей» на стыке трех языков (в нашем рабочем материале: английский, французский, русский). И как показывает уже предварительный опыт трехмерного исследования, сопоставление с третьим языком позволяет, с одной стороны, уточнить типологию диапаронимов, а, с другой, что особенно важно в практическом смысле, уточнить механизмы потенциальной интерференции. Например, привлечение русского материала при анализе интерференции англ. *address* // франц. *adresse* // и рус. *адрес* подтверждает правильность

нашей первоначальной гипотезы. Русское слово, заимствованное из французского языка, сохранило почти всю семантическую парадигму *adresse*¹ и никак не связано со значениями французского *adresse*², что может вызвать в недифференцированных контекстах только экстраверсивную интерференцию для французов.

Таким образом, предварительный анализ «ложных друзей» в трехмерном направлении, т.е. сопоставление «ложных друзей переводчика» на стыке трех языков (французского, английского и русского), уже позволяет сделать вывод о том, что необходим третий принцип построения словаря – синтезированный, в котором будут учтены как пассивный, так и активный материал, и будут указаны потенциальные механизмы интерференции: интроверсивной и экстраверсивной.

Литература

Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.

Муравьев В.Л. Faux amis, или «ложные друзья» переводчика. М., 1969.

Van Roey J., Granger S., Swallow H. Dictionnaire des faux-amis: français-anglais. Paris-Gembloux, 1988.

Сопоставление функциональной обусловленности ошибок и оговорок в современном французском языке

Михнова Мария Николаевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Ошибка представляет интерес для изучения недостаточности нормы, объяснения эволюции системы языка, подтверждения необходимости и прогнозирования эффективности реформирования нормы.

С одной стороны, язык (langage) вариативен. Любой языковой факт обусловлен экстралингвистическими факторами : региональными, социальными, стилистическими, диахроническими, возрастно-половыми, этническими, ситуационными [Cadet: 8-12].

С другой стороны, существует общепринятая, традиционная реализация системы, закрепленная в нормативных грамматиках [Фрей: 16-17]. Норма, понятие не только лингвистическое, но и аксиологическое, – это совокупность частотных употреблений, которые оцениваются носителями языка как правильные. Именно поэтому норма может стать инструментом доминирования: в ситуации языковой неуверенности носитель, предполагая, что не владеет нормой, ощущает свою неполноценность. Например, преподаватель права спешит стереть с доски высказывание, опасаясь резкого осуждения со стороны коллеги-лингвиста: «je vais effacer ça pour qu'un professeur de français ne s'indigne pas». Неуверенность может стать причиной гиперкоррекции и других ошибок: «l'Inde est fou furieuse... , je ne sais pas comment on dit, fou furieux».

Впрочем, норма лингвистически произвольна [Cadet: 16] [Фрей: 21] и поэтому часто недостаточна. Недостаточность, понимаемая как «отсутствие адаптации к данной функции» [Фрей: 282], предполагает существование фундаментальных потребностей, «которые порождают функционирование речи» [Фрей: 23]. Анри Фрей, основоположник функционального подхода к изучению языковых фактов, выделяет в «Грамматике ошибок» пять основных функций, характерных для французского языка: это потребности в ассимиляции, в дифференциации, в краткости, в неизменяемости и в экспрессивности.

Отклонения от нормы «служат для предупреждения или исправления» недостаточности. «Ошибки делают не ради удовольствия. Их появление определено, более или менее бессознательно, теми функциями, которые они должны выполнять». [Фрей: 17]

Так, употребление инфинитива вместо причастия прошедшего времени («qui a prouvoquer»), одна из частотных ошибок современного французского языка, осуждаемая

носителями-пуристами («oh ça fait mal aux yeux de lire ça»), может объясняться как потребностью в неизменяемости, так и действием ассимиляции.

Адаптация к одной функции иногда приводит к нарушению другой. Например, произнесение [purkilzajpy] («pour qu'ils aient pu») обусловлено действием потребности в неизменяемости: в современном французском языке орфография влияет на фонетику (глагол dompter, где часто произносится "p"). Однако [purkilzaj] может интерпретироваться как «pour qu'ils aillent» и, таким образом, нарушена потребность в дифференциации.

«Относительные гармония и антиномия потребностей» лежат в основе «стабильности или нестабильности лингвистических систем» [Фрей: 24].

Положения, сформулированные в «Грамматике ошибок», не потеряли своей актуальности. Анализ современного материала позволяет еще раз подтвердить тезис Фрея о том, что потребности «мало разнятся ... от эпохи к эпохе» [Фрей: 23].

Более того, не только ошибки, но и оговорки или описки, обычно считаемые неинтересными для лингвистики [Алпатов: 9], обусловлены действием фундаментальных потребностей. Так, написание «parlementarisme» – случай орфографической ассимиляции. Произнесение [similytid] – пример сандхи.

Наибольшую трудность для исследователя представляет неоднозначность термина «ошибка». В зависимости от подхода (нормативная или функциональная), частотности (индивидуальная или коллективная), намеренности (намеренная или случайная), осознанности (замеченная или незамеченная), субъекта (говорящего или слушающего), типа письма (устная, письменная или письменная-спонтанная) и т.д. могут быть выделены разные типы ошибок. Сталкиваясь с изолированным речевым фактом, невозможно установить с точностью – о какой ошибке идет речь.

Материалом для исследования Фрея послужили письма военнопленных, отражающие тенденции разговорного аффектированного языка. Сегодня выделяется новая форма языка «usage écrit spontané» [Rey: 125], связанная с развитием цифровых технологий, блогов и особого графического кода СМС (texto). Ошибки на блогах «менее частотны, чем прежние простонародные ошибки спонтанного письма» [Rey: 125]. Однако они также обусловлены действием фундаментальных потребностей – так, написание «brûlerie de calories» вместо «brûlure de calories» (пример с медицинского форума) обусловлено действием потребности в ассимиляции.

Функциональная обусловленность ошибок и оговорок тесно связана с феноменами мышления и представляет интерес для исследования проблем соотношения языка и мышления.

Литература

Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006.

Cadet F. Le français ordinaire. Paris, 1989.

Алпатов В.М. Анри Фрей// А.Фрей Грамматика ошибок. М., 2006. С.8-12.

Rey A. Le français. Une langue qui défie les siècles. Gallimard, 2008.

Социолингвистическая ситуация во Франции и языковая политика

Ноева Дарья Дмитриевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Под социолингвистической ситуацией мы понимаем совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований [Кожемякина и др., 2006: 266]. Франция, согласно статье 2 Конституции 1956 года и основным законам о языке, является моноязычным государством. Французский язык является языком образования, труда, коммуникации и

государственного управления. Тем не менее, современная социолингвистическая ситуация во Франции представляется более сложной. Помимо французского языка на территории Франции существуют также и другие языки межличностного общения. Это:

1. языки национальных меньшинств, официально признанных государством (фламандский, бретонский, баскский, окситанский, корсиканский и эльзасский)
2. национальные языки эмигрантов, проживающих на территории страны
3. иностранные языки, являющиеся международными языками общения (главным образом, английский)

Определение данных взаимоотношений на юридическом уровне входит в компетенции языковой политики, проводимой государством и компетентными органами, санкционируемыми государством. Во Франции главными законодательными органами в области языковой политики являются Французская Академия и Верховный комитет по защите и распространению французского языка (*le Haut comité pour la défense et l'expansion de la langue française*).

Языковая политика ведется по двум основным направлениям. Первое направление – определение *правового статуса языка*, на котором говорит та или иная социальная группа, населяющая территорию данного государства. Под правовым статусом языка мы понимаем наделение данного языка определенными юридическими полномочиями на социальном и культурном уровне. Второе направление – собственно языковая политика. В данном случае, главной задачей языковой политики является установление орфографических, грамматических, лексических и стилистических норм языка, носящего *статус официального (национального)* на территории данного государства. В данном случае речь идет о сознательном воздействии на язык.

Насколько возможно подобное воздействие? Существуют ли границы сознательного воздействия на язык? Несмотря на тезис, выдвинутый С.О. Карцевским о произвольности языкового знака, мы можем говорить о том, что общество в целом (а не отдельный индивид) может влиять на некоторые аспекты языковой системы данного языка. Сознательное воздействие на язык возможно на так называемых «формальных» уровнях системы языка. Это:

1. графика и орфография
2. терминология
3. нормативно-стилистическая система языка

Именно на этих уровнях были проведены первые реформы, касающиеся языка. Это связано с тем, что данные уровни в самом своем зарождении наиболее тесно связаны с сознательно-культурным и искусственным в языке.

Наиболее ранним объектом воздействия на язык являются реформы письменности (графики и орфографии). Во Франции первое нормирование орфографии было проведено Французской Академией в 1684 году.

Принятие государством графических и орфографических норм, действительных для всех пишущих и читающих на данном языке, является гарантией понимания письменного текста на данном языке. Однако подвижность языковой системы влечет за собой постоянные изменения в языковой практике говорящих. В связи с этим представляется интересным изучить вопрос о том, *каким образом* языковой коллектив реагирует на данные изменения и способен ли он замедлить ход данных изменений.

История развития французской орфографии свидетельствует о том, что государство путем реформ либо закрепляет изменения в языке, либо замедляет ход данных изменений.

Нами были проанализированы поправки, утвержденные последней реформой орфографии во Франции, проведенной в 1990 году. Мы провели социолингвистический опрос, в котором участвовали 57 респондентов (носителей французского языка). В ходе проведения исследования учитывался пол, возраст, образование и профессия респондентов. Ключевыми задачами данного опроса были:

1. выявление степени информированности респондентов о данной реформе
2. анализ эффективности данной реформы
3. анализ позиции государства по отношению к изменениям в языковой практике говорящих

Респондентам было предложено выбрать правильный ответ на вопрос по следующим пунктам, затронутым реформой:

	старая орфография	новая орфография
1. дефис в составных количественных числительных	cent trois	cent-trois
2. множественное число сложных имен существительных	des abat-jour	des abat-jours
3. правописание глаголов 1 группы с беглым «е» в корне (например: ruisseler)	je ruisselle	je ruissèle
4. правописание глаголов 1 группы с «é» в корне (например: céder)	je céderai	je cèderai
5. инверсия глагола и личного местоимения в 1 лице единственного числа	aimé-je	aimè-je
6. accent circonflexe над «u», «i»	la vouûte	la voute
7. согласование причастия прошедшего времени в роде и числе с глаголом laisser	elle s'est laissée appeler	elle s'est laissé appeler
8. множественное число заимствованных имен существительных	des jazzmen	des jazzmans

В ходе исследования было выявлено, что 90% опрошенных не информированы о поправках к орфографии, утвержденных реформой 1990 года. Однако 70% из их числа пишут согласно правилам новой орфографии. Таким образом, результаты данного опроса показали то, что языковая политика государства идет вслед за изменениями в языковой практике говорящих и закрепляет ключевые и наиболее распространенные изменения в языковой системе на нормативном уровне.

Литература

- Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б., Парфенова О.С.* Словарь социолингвистических терминов. М., 2006
- Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М., 2000
- Sichon P., Kremnitz G., Lamuela X., Prieur J.-M.* Sociolinguistique. Territoire et objets. Paris, 1996

**Фразеологизмы спортивно-терминологического происхождения
в русском и французском языках**

Петрина Валентина Сергеевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Объектом данного исследования являются термины-фразеологизмы спортивного происхождения в русском и французском языках. Лексические единицы подобного типа

до сих пор не были предметом специального лингвистического изучения. Данное исследование представляется актуальным не только в теоретическом отношении, поскольку способствует дальнейшей разработке соотношения двух дисциплин: общей теории фразеологической номинации и терминологии, – но и в практическом, т.к. обуславливает верное толкование фразеологизмов терминологического происхождения и их адекватный перевод на другой язык.

Генеральной задачей исследования является сопоставительное изучение специфики плана выражения и плана содержания терминов-фразеологизмов русского и французского спортивного языка. Наша картотека состоит из 257 русских и 338 французских фразеологизмов, извлеченных методом сплошной выборки из спортивных и фразеологических словарей: Большой фразеологический словарь русского языка под ред. Телия В.Н.; Жуков В.П. Лексико-фразеологический словарь русского языка; Суслов Ф.П., Тышлер Д.А. Терминология спорта. Толковый словарь спортивных терминов; Новый большой франко-русский фразеологический словарь, под ред. Гака В.Г.; *Le Robert des sports*; *Dictionnaire des expressions et locutions figurées*, par A. Rey et S. Chantreau и т.д.

Вследствие того, что такое явление как терминологический фразеологизм должно отвечать критериям как фразеологизма, так и термина, в картотеке преобладают однозначные термины-фразеологизмы, которые являются раздельнооформленными единицами с семантическим преобразованием хотя бы одного из компонентов (46% среди французских фразеологизмов и 53% среди русских). Однако популярность и вездесущность спорта способствует проникновению терминов в общеупотребительный состав языка: «научные термины органически вырастают в литературный язык, о чем свидетельствует их переосмысление, метафорическое использование...» (Солганик: 189). Таким образом, спортивный термин-фразеологизм помимо основного, специального, значения развивает второе (третье и более) значение, приобретая новый смысл, этимологически связанный с терминологическим, но относящийся уже к другой сфере деятельности (общественной, политической, культурной). К таким многозначным фразеологизмам относится 53% французских и 41,6% русских фразеологических единиц (ФЕ). При этом во французском языке количество многозначных фразеологизмов терминологического происхождения больше, и они развивают больше значений, чем русские ФЕ (до пяти значений).

Являясь раздельнооформленными образованиями, терминологические фразеологизмы характеризуются разнообразием своего структурного построения. Отмечается преобладание двусоставных фразеологических единиц (70% французских ФЕ и 83% русских), среди которых лидируют фразеологизмы со структурой «глагол + существительное» (*бросить якорь*; *abandoner le gouvernail*), «прилагательное + существительное» (*стартовая площадка*; *lanterne rouge*), «существительное + существительное» (*заезд надежды*; *balle au panier*). Также присутствуют одновершинные фразеологизмы, т.е. словосочетания, состоящие из одного знаменательного слова и одного или нескольких служебных (*за бортом*, *à flot*), и предикативные, т.е. имеющие форму предложений (*большому кораблю – большое плавание*; *la balle cherche le joueur*). Ввиду аналитичности французского языка в нем больше многокомпонентных (состоящих из трех, четырех и более компонентов) фразеологизмов, чем в русском.

При рассмотрении семантических процессов, которые приводят к формированию значения терминологических фразеологизмов, мы выделили следующие основные формы семантического преобразования: переосмысление (образное и необразное), лексическое ослабление значений компонентов, архаизмы, эллипсис, народноэтимологическое искажение. На переосмысление приходится 90% всех фразеологизмов. Образное переосмысление может быть метафорическим и метонимическим. Метафоризация является важнейшим источником обогащения фразеологического фонда русского и французского языков (61% и 58% соответственно):

выйти в дамки; à pleines voiles, avoir le vent en poupe. Метонимическое переосмысление, по сравнению с метафорическим, является менее распространенной формой семантического преобразования: *длинная скамейка* – «большое количество запасных игроков» (место вместо людей, которые его обычно занимают), *une fine lame* – «отличный фехтовальщик» (предмет вместо человека, который его использует).

Необразное переосмысление (25% среди русских и столько же среди французских ФЕ) свойственно для фразеологизмов, не образных по происхождению, или утративших образность в процессе фразеологизации, или же лишившихся ее в результате семантического изменения компонентов: *дать свисток, игра с руки (в бильярде); enlever les cales (aviat.), coiffer la balle*. Все остальные типы семантического преобразования составляют не более 2% каждый.

Также стоит отметить существенную группу широкоупотребительных французских фразеологизмов (52 единицы), содержащих слова «*balle, ballon, bille, boule*», которые и были причиной количественного превосходства фонда французских фразеологизмов над русскими. Большинство таких фразеологизмов подверглось метафорическому переосмыслению и вошло в состав общеупотребительного языка в иных, нетерминологических, значениях: *arranger les billes à (de) qn, garder les balles, prendre la balle du second bond*. Количество и распространенность этих ФЕ вызвано культурно-историческими особенностями французского народа, который всегда любил самые разные виды игры в мяч. Таким образом, проведенное сопоставление спортивного фразеологического фонда французского и русского языков позволило нам выявить определенные различия в членении действительности носителями этих языков.

Литература

Солганик Г.Я. Стилистика текста. М, 2007.

К вопросу о многозначности французской юридической терминологии

Савина Елена Сергеевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Специальная, в том числе юридическая терминология, исследовалась в лингвистике с различных точек зрения. В отечественном языкознании теоретическими и методологическими проблемами терминологии занималась, в частности, О. С. Ахманова, терминологическую номинацию изучала М. Н. Володина. Анализом семантики, логической структуры терминов и проблемами, связанными с их классификацией и определением, в настоящее время занимается С. Д. Шелов. Общие проблемы терминологии изучал В. Г. Гак.

Для исследования языка права во Франции в XX в. использовался как логический подход (Ж. Рей), так и метод сравнительно-исторического анализа для изучения тех или иных концептов, связанных с правом (Э. Бенвенист). Юридическая семиотика представлена работами А.-Ж. Греймаса и П. Дюбуше. Вопросы языка права затрагиваются также в отечественных работах (Т. В. Губаева). Однако перечисленные выше исследователи не предлагают каких-либо классификаций юридических терминов. Наиболее полная и подробная классификация впервые появляется лишь в конце XX в., в работе выдающегося французского юриста Ж. Корню. Под французскими юридическими терминами или юридической терминологией автор понимает совокупность слов французского языка, имеющих по крайней мере одно юридическое значение. В связи с этим Ж. Корню предлагает разделить юридические термины на имеющие только юридическое значение и термины, имеющие разное значение в обиходном и юридическом языке [Cornu: 63-77].

Целью нашей работы является доказательство того, что некоторые термины, отнесенные Ж. Корню к первой группе, также могут приобретать переносное значение и что в данном отношении они близки к словам второй группы. Для решения

поставленной нами задачи мы проверили по словарям «Petit Robert» и «Trésor de la langue française» семантику терминов первой группы (всего 252 термина). Проведенный анализ показывает, что переносное значение наблюдается приблизительно у одной девятой части терминов, имеющих, согласно классификации Ж. Корню, только юридическое значение (29 терминов).

Для исследования переносного значения данных терминов мы обратились к достаточно широко распространенной в риторике и стилистике классификации, согласно которой фигуры делятся на авторские, стертые и лексикализованные. Авторские фигуры – это оригинальные выразительные фигуры [Bonhomme: 90]. Стертые фигуры – это фигуры, потерявшие свою выразительность за счет частого употребления [Там же: 90]. Наконец, лексикализованные фигуры – это фигуры, перешедшие в язык [Там же: 91].

В нашем случае речь идет о метафорическом переносе с использованием юридических терминов, и анализ наших примеров позволяет выделить два случая. Это лексикализованные и авторские метафоры (встречающиеся, например, у Р. Шатобриана, Ж. де Сталь, П. Клоделя, Л.-Ф. Селина, Р. Бразийяка, Е. Лабиша, К. Моклера, Ж. Нерваля, П. Валери и других писателей). Четко их разграничить оказывается довольно сложно, т. к., например, в словаре «Trésor de la langue française» фиксируются случаи авторского употребления анализируемых нами терминов в переносном значении, которое отсутствует в других словарях (*avancement d'hoirie*).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- Приблизительно одна девятая часть терминов, которые, согласно классификации Ж. Корню, имеют только юридическое значение, могут приобретать также и переносное значение. Многие семантические процессы и переходы (метафорический перенос, расширение или сужение значения, в синхронии и в диахронии), свойственные многозначным словам обиходного языка, наблюдаются также и в языке права. В процессе исторического развития общеупотребительные слова и юридические термины проникали в юридический и обиходный язык соответственно, изменяя свое значение и обогащая французский язык в целом. В связи с этим строгое противопоставление общеупотребительных слов и специальных юридических терминов представляется нецелесообразным.

- Многие из подобных семантических переходов, чаще всего метафорических переносов, перешли во французском языке в разряд лексикализованных метафор. Отдельные случаи авторского употребления даже «исключительно» юридических терминов в переносном значении фиксируются в словаре «Trésor de la langue française», что свидетельствует о по крайней мере потенциальной их способности приобрести переносное значение. Во французском языке юридическая метафора (созданная с использованием юридических терминов) встречается в художественных текстах довольно часто. Данный факт доказывает и наглядно подтверждает утверждение Ж. Корню о том, что французский юридический язык является неотъемлемой частью французского языка в целом.

- Многозначность французской юридической лексики создает благоприятные условия для ее использования с различными стилистическими целями в художественной литературе. Авторское употребление тех или иных терминов в переносном значении позволяет сопоставить разнообразные правовые ситуации с внеправовыми, дать им личную, в частности, нравственную оценку, или, напротив, выразить авторскую иронию. Таким образом, стилистический анализ функционирования юридических терминов, с одной стороны, может способствовать более полному пониманию замысла автора, выявлению специфики его языка, а с другой – позволяет изучить механизм расширения специального терминологического значения до более общего и проследить за ходом развития полисемии.

- Гак В.Г. Новый французско-русский словарь. М., 2002 г.
Bonhomme M. Les figures clés du discours. Paris, 1998.
Cornu G. Linguistique juridique. Paris, 2005.
Le nouveau petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1993.
Le Trésor de la langue française (электронная версия) <http://atilf.atilf.fr/tlf.html>.

Семантическая и морфологическая интерференция при контакте французского и русского языков

Савина Светлана Сергеевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Согласно утвердившемуся в языкознании определению, под лингвистической интерференцией принято понимать неудачу при переключении с одного языкового кода на другой, которая влечет за собой «вторжение <...> норм одной системы в пределы другой» [Вайнрайх: 27]. В сознании многоязычного носителя происходит перенесение правил доминирующей языковой системы на правила доминируемой языковой системы, влекущее за собой ошибку, нарушение нормы. При этом перенос возможен с родного языка на иностранный (экстраверсивная интерференция) или с иностранного на родной (интroversивная интерференция). Лингвистическая интерференция в сознании многоязычного носителя может происходить на разных уровнях языка: фонетическом, грамматическом и лексическом.

Межъязыковая **лексическая** интерференция может затрагивать смысловое наполнение слова (**семантическая** интерференция) и его формальную структуру (**морфологическая** интерференция).

Семантическая интерференция проявляется, как правило, в феномене так называемых «ложных друзей переводчика», который «состоит в том, что коррелятивные по форме слова двух контактных языков <...> ошибочно воспринимаются носителями того и другого языка как семантически тождественные и употребляются в качестве эквивалента при переводе» [Кузнецова: 6], то есть, опираясь на формальное сходство слов двух разных языков, говорящий приходит к ошибочному выводу о сходстве их **семантического** наполнения: *анкета* ≠ *enquête* «расследование, следствие», *бокал* ≠ *bocal* «банка», *фуршет* ≠ *fourchette* «вилка», *пароль* ≠ *parole* «слово, речь». При этом корреляты могут вовсе не иметь общих значений (*мороз* ≠ *torose* «мрачный»), совпадать только в одном или в нескольких значениях (*процедура* ≠ *procédure* - у французского слова нет значения «лечебное мероприятие») или приобрести в одном из языков коннотацию, которая отсутствует в языке-источнике (*рандеву* ≠ *rendez-vous* фр. нейтр. «встреча»). «Ложные друзья переводчика» являются частным случаем интернационализмов или интеронимов, то есть слов или выражений, которые, по определению С. Н. Кузнецова, «используются несколькими мировыми языками в сходном значении и в фонетически близкой форме» [Кузнецов: 44], например: *informer*, *to inform*, *informieren*, *informar*, *informare*, *информировать* и т. д.). Интернационализмы эквивалентны при переводе. «Ложные друзья переводчика» семантического типа возникают чаще всего тогда, когда семантическая структура интернационализма или заимствования изменяется в одном из языков: сужение или расширение семантического поля (*шампильон* ≠ *champignon* «гриб»), приобретение несвойственной ему ранее коннотации (*афера* ≠ *affaire* фр. нейтр. «дело»). Такие слова не могут служить эквивалентами при переводе.

При контакте языков механизм возникновения «ложных друзей переводчика» может реализовываться не только на уровне семантики слова, но и на уровне его морфологической структуры. В этом случае говорящий, опираясь на сходство семантической структуры слов двух языков, рискует сделать ошибочный вывод об их **формальном** соответствии. Такое может произойти, если в морфологическом составе

слов обоих языков наличествуют, но не совпадают интернациональные форманты, регулярно используемые словообразовательными моделями контактирующих языков. В деривационных моделях образования существительных русского и французского языков используется несколько суффиксов интернационального происхождения: -ист / -iste, -тор (-тер) / -teur, -ит / -ite, -аж / -age, -изм / -isme, -тура (-ура) / -ure, -ция (-тия), -фикация, -анция, -енция / -tion. Однако реальное распределение данных интернациональных суффиксов между исконными и интернациональными основами слов может с разной степенью вероятности совпадать или не совпадать между двумя языками. Говорящий, сделавший вывод о регулярности формального и семантического соответствия вышеперечисленных формантов в иностранном и родном языках, вероятно, будет предполагать их наличие в тех словах иностранного языка, которые коррелируют с соответствующими словами его родного языка. В тех случаях, в которых это предположение окажется ошибочным, будет возникать морфологическая ошибка по аналогии: *клавиатура* > **claviature* (вместо правильного *clavier*), *клиентура* > **clienture* (вместо правильного *clientèle*). Такие слова можно назвать «ложными друзьями переводчика» морфологического типа.

Экспериментальная методика, предложенная в исследовании И. Н. Кузнецовой, позволяет выявить случаи, которые потенциально способны спровоцировать интерференционную ошибку морфологического типа. Для этого по обратным словарям обоих языков отбираются слова, включающие в свой состав исследуемые интернациональные суффиксы, затем проводится подробное сопоставление их семантической и морфологической структур. Такая работа позволит, опираясь на исчерпывающие списки французско-русских слов-коррелятов с интернациональными формантами, составить наглядный словарь морфологической интерференции, в котором будут отдельно представлены «ложные друзья» морфологического типа, то есть слова потенциально способные вызвать ошибку по аналогии с родным языком, и интернационализмы, то есть эквивалентные при переводе слова. Словарь потенциальной морфологической интерференции, над которым работает автор данных тезисов, будет удобен и полезен в работе переводчиков, а так же преподающих и изучающих иностранные языки. С теоретической точки зрения, исследование потенциальной морфологической интерференции при контакте французского и русского языка позволит глубже изучить языковые механизмы контактной интерференции и исчерпывающе описать один из ее видов.

Литература

- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972. С. 25-61.
- Кузнецов. С. Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. М., 1982.
- Кузнецова И. Н. Теория лексической интерференции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.

Структурно-семантические особенности именной модели «Nom+Nom» в современном французском языке

Савинкова Ирина Игоревна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

За последние несколько десятилетий во французском языке появилось большое количество именных композитов, образованных по модели Nom+Nom (далее N+N). Некоторые из них получили закрепление в лексикографических справочниках вследствие своего частотного употребления, другие образования, созданные по аналогии, могут просуществовать в языке какое-то время, а затем исчезнуть из него. В современной лингвистике нет однозначного мнения в трактовке композитов, образованных по этой модели, а разные теории порой противоречат друг другу.

Цель работы: систематизировать по научным подходам написанные ранее труды и представить собственную классификацию сложных единиц, образованных по модели N+N, опираясь на опыт как зарубежных, так и отечественных лингвистов и дополняя теоретический материал личными наблюдениями.

Все разнообразие точек зрения по данному вопросу можно свести к трем подходам к анализу данных образований: семантическому, синтаксическому и семантико-синтаксическому.

1) В основе *семантического подхода* лежит критерий единства образа сложного образования. Этой концепции придерживались А.Дармстетер, Ш.Балли, Ф.Брюно, М.Гревис, О.И.Богомолова, Н.Н.Лопатникова.

2) При *синтаксическом подходе* важна синтаксическая функция второго элемента сложного слова. В основе сложных номинативных образований лежат базовые фразы, сложное слово - это результат застывания синтагмы и образования устойчивых сочетаний, которые можно реконструировать при помощи синтаксических описаний. Подобного подхода придерживались А.Мартине, Л.Гильбер, М.-К. Л'Ом, П.Ж.-Л.Арно, М.Ноайи.

3) Семантико-синтаксический подход нашел отражение в исследованиях О.В.Раевской, которая выдвигает тезис сближения ономаσιологической структуры сложных слов со структурой словосочетаний. Исследователь выделяет несколько групп языковых образований, в основе которых лежат корреляции сложных слов со словосочетаниями, одновременно с этим придерживаясь семантического принципа единства образа.

Наша собственная классификация композитов N+N основана на трех взаимосвязанных критериях:

1. Этимологический критерий, т.е. разграничение композитов на единицы, образованные по *ученой* и *народной* моделям образования. В основе этого критерия лежит порядок следования компонентов в сложном образовании.

Народная модель образования объединяет два (или более) слова, которые могут функционировать во французском языке независимо друг от друга. Для этой модели характерен прямой словопорядок (*déterminé-déterminant*: assurance-vie-страхование жизни).

Ученая модель объединяет композиты, образованные с помощью механизма заимствования из древних языков (главным образом из греческого и латинского) и представляющие собой соположение по меньшей мере двух основ латинского или греческого происхождения. Как правило, словопорядок в подобных композитах обратный (*déterminant-déterminé*: riziculture- рисоводство).

Зачастую компоненты объединены соединительной гласной (-o- или -i-).

Оба элемента, образующие композит, могут быть:

- Латинского происхождения (*apiculture*-пчеловодство)
- Греческого происхождения (*hydrophobe*-страдающий гидрофобией)
- Гибридного происхождения (латинско-греческого, греко-латинского, греко-французского и пр.)

В последние несколько десятилетий во французском языке проявляется тенденция образования англо-французских композитов (*fashion-victime*-жертва моды).

2. Синтаксический критерий, согласно которому мы проводим разделение сложных образований на композиты с подчинительным (*timbre-poste*-почтовая марка) и сочинительным (*point-virgule*-точка с запятой) типами связи между компонентами сложного образования.

В композитах с подчинительной связью мы выделяем три подгруппы в зависимости от синтаксической функции «определяющего» компонента (*déterminant*).

Первая подгруппа: сложные образования, в которых «определяющее» (чаще всего N2, реже N1) играет роль дополнения. Для подобных единиц характерен эллипсис

предлога, выражающего синтаксические отношения между компонентами сложного образования (*fonction auteur-функция автора*).

Вторая подгруппа: образования, в которых «определяющее» композита выполняет функцию именной части составного глагольного сказуемого, с эллипсисом глагола-связки (возможна комбинация «глагол-связка + *comme*»).

Мы используем термины «предикат уподобления» (*homme-robot-человек*, поведение которого характеризуется автоматизмом) и «предикат отождествления» (*avion-robot-самолет-робот*, управляемый автоматически), впервые употребленные в работе О.В. Раевской [Раевская 1983: 164].

Третья подгруппа: сложные образования с высокочастотным вторым элементом (-*fantaisie*, -*maison*, -*nature* и др.), который, находясь в позиции N2, выполняет функцию прилагательного (*confiture-maison-домашнее варенье*).

3. Семантический критерий, в основе которого лежит идея единства образа сложного образования.

Выбранный нами многоплановый подход позволяет осуществить более полный анализ изучаемой проблемы.

В ходе работы были выявлены доминирующие тенденции функционирования модели N+N: композиты, образованные по народной модели с подчинительным типом связи между компонентами и «определяющим» в функции дополнения, а также предиката отождествления.

Материал исследования заимствован из следующих источников:

- 1) *Dictionnaire des mots contemporains*, 1980
- 2) Приложение к *Le dictionnaire de notre temps* (Hachette) (1990),
- 3) Приложения к *Le Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré* (1994, 1999, 2000, 2007)
- 4) Современная французская пресса

Литература

Раевская О.В. Сложные слова и источники их мотивации (на материале современного французского языка) // Халифман Э.А., Макеева Т.С., Раевская О.В. Словообразование в современном французском языке: Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. М., 1983

Некоторые лингвостилистические аспекты употребления глагольных форм в современном французском языке на примере рецензий на кинофильмы

Скворцова Анастасия Дмитриевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

В современных текстах использование глагольных форм, как и других лингвистических категорий, обуславливается правилами французского языка, жанром, контекстом, стилистическими особенностями, свойственными автору. Анализ этих форм может быть интересным с точки зрения лингвостилистики, но помимо этого эти формы могут тем или иным образом свидетельствовать об общих тенденциях развития современного французского языка.

В качестве материала мы обратимся к корпусу кинорецензий. Напомним, что рецензия – «это критический отзыв о каком-нибудь сочинении, спектакле, фильме». [С.Ожегов, Н.Шведова]. Мы использовали рецензии из средств массовой информации, то есть письменные тексты, предполагающие более или менее аккуратное и правильное использование языка. В то же время они рассчитаны на широкую аудиторию, должны четко и понятно передать впечатления автора от произведения, отсюда преимущественное ориентирование на простое изложение с элементами разговорной речи (что, однако, не всегда очевидно и зависит от автора рецензии).

Мы взяли рецензии на один фильм, а именно «Черный лебедь» 2010 года, написанные как профессиональными журналистами, так и обычными кинолюбителями. Источниками являются французские сайты, посвященные кино.

При сравнительном анализе были выделены следующие особенности этих текстов:

– подавляющее преимущество глаголов в настоящем времени (для примера – в одной рецензии из 41 глагольных форм 38 – в настоящем времени) “*Aronofsky ne nous «conte» donc pas une seule histoire mais plusieurs histoires dont le but est une quête d’un idéal de beauté et de perfection. La quête de perfection obsessionnelle pour laquelle Nina se donne corps et âme et se consume jusqu’à l’apothéose qui, là encore, se confond avec le film qui s’achève sur un final déchirant...*”. Некоторые случаи появления настоящего времени можно отнести к использованию *présent historique* [Riegel, Pellat, Rioul: 300]. В отличие от форм настоящего времени, описывающих *passé proche*, оно предполагает довольно большую временную дистанцию между описываемым событием и моментом речи. В нашем случае это не совсем так – между просмотром фильма и его оценкой проходит не так много времени, однако про употребление форм *présent historique* можно говорить в случае пересказа событий фильма: “*Nina est ballerine au sein du très prestigieux New York City Ballet... Lorsque Thomas Leroy, le directeur artistique de la troupe, décide de remplacer la danseuse étoile Beth Mcintyre pour leur nouveau spectacle, « Le Lac des Cygnes», son choix s’oriente vers Nina. Mais une nouvelle arrivante, Lily, l’impressionne également beaucoup*”;

– если возникает необходимость описать действие, относящееся к будущему, используется чаще всего *futur immédiat* и довольно редко *futur simple*. В качестве примера можно привести рассказ о моменте, когда главная героиня начинает сходить с ума: “*rôle qu’elle s’acharne à travailler et qui va la perdre dans des hallucinations de plus en plus fréquentes*”, “*...mais le cygne noir va peu à peu déteindre sur elle et révéler sa face la plus sombre*”, “*Ce dernier sera son vrai défit étant donné qu’elle va devoir se faire violence...*”;

– большое количество контекстов с *participe présent*, *participe passé* и *gérondif*. Стоит отметить наличие в текстах целых абзацев с полным или почти полным отсутствием глаголов в личной форме: “*La mère, une image d’elle avec trente ans de plus, mais aussi d’une ballerine ayant échoué, jadis, à sortir du rang. La danseuse étoile tout juste déchue de la troupe, reproche vivant, symbole terrifiant du déclin à venir. La rivale directe, nouvelle arrivante, menaçante...*”;

– довольно частое использование инфинитивов (т.н. инфинитивное письмо): “*Ignorer tout de sa propre sauvagerie. Ne trouver en soi aucune source de violence...*”, в том числе *infinitif de narration*, [Там же: 334], конструкции, встречающейся в ограниченных типах текстов: “*Et Aronofsky de nous asséner...*”;

– если рассматривать тексты в целом, то стоит отметить некоторое количество номинативных фраз, без использования каких-либо глагольных форм: “*Un film aux multiples reflets et d’une beauté folle, au propre comme au figuré, grâce à la virtuosité de la mise en scène et de l’interprétation et d’un jeu de miroirs et mise(s) en abyme*”, “*Globalement un bien piètre retour dans les salles obscures. Mortellement ennuyeux*”.

Выделив эти особенности, можно сделать следующие выводы:

1. Использование перечисленных глагольных форм определяется жанром анализируемых текстов: просмотр фильма, формирование мнения о нем и написание самой рецензии происходят за короткий отрезок времени, что отчасти и обуславливает такое преимущество настоящего времени над всеми остальными.

2. Стоит выделить некоторые особенности, свойственные, судя по всему, авторскому стилю – появление *passé simple* (во всем корпусе рецензий оно появилось только один раз “*Mais au final, ce film fût une énorme surprise*”), *infinitif de narration*.

3. Можно предположительно выделить некоторые элементы, которые, возможно, отражают общие тенденции развития современного французского языка, такие как частотное использование настоящего времени, частая замена futur simple на futur immédiat, сравнительно большое количество безличных глагольных форм [ср. С. Blanche-Benveniste]. Все эти особенности можно отнести к общим тенденциям, однако прежде чем делать глобальные выводы нужно обратиться к более крупному корпусу текстов разных жанров и провести более полный и точный анализ контекстов использования глагольных форм.

Литература

- Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка, М, 1992.
Riegel M., Pellat J.-C., Rioul R. Grammaire méthodique du français, Paris, 1994.
Blanche-Benveniste C. Le français parlé, CNRS, 1997.